

ФРАНЦ КАФКА

ПРЕВРАЩЕНИЕ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.112.2-31(436)

ББК 84(4Авс)-44

К30

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с немецкого

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фerez*

Кафка, Франц.

К30 Превращение : [сборник : перевод с немецкого] / Франц Кафка. — Москва : Издательство АСТ, 2023. — 416 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-101311-0

В сборник вошли наиболее известные «малые» произведения Кафки разных лет. Здесь и так называемые кафкианские кошмары — «Превращение», «В исправительной колонии», и изящные притчи, сатирические рассказы и миниатюры, а также дневниковая проза.

УДК 821.112.2-31(436)
ББК 84(4Авс)-44

© Перевод. С. Апт, наследники, 2022

© Перевод. В. Топер, наследники, 2022

© Перевод. В. Станевич, наследники, 2017

© Перевод. И. Щербакова, 2017

© Перевод. М. Рудницкий, 2017

© Перевод. Ю. Архипов, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2023

ISBN 978-5-17-101311-0

ОПИСАНИЕ ОДНОЙ БОРЬБЫ

И по гальке вперевалку
Нарядившись ходят люди
Под огромным этим небом,
Что к холмам совсем далеким
От холмов простерлось дальних.

I

Около двенадцати часов некоторые уже поднялись, поклонились, пожали друг другу руки, сказали, что было очень приятно, и вышли через большой дверной проем в переднюю одеваться. Хозяйка стояла посреди комнаты, подвижно кланяясь, а ее платье ложилось изящными складками.

Я сидел за маленьким столиком — у него были три вытянутые тонкие ножки, — прикладываясь к третьей рюмочке бенедиктина и одновременно оглядывая свой небольшой запас печенья, которое я сам выискал и наложил себе, ибо оно имело тонкий вкус.

Тут ко мне подошел мой новый знакомый и, немало рассеянно улыбнувшись при виде моего занятия, сказал дрожащим голосом:

— Простите, что я подошел к вам. Но до сих пор я сидел один со своей девушкой в соседней комнате. С половины одиннадцатого, совсем не так долго. Простите, что я это говорю вам. Мы же не знаем друг друга. Не правда ли, мы встретились на лестнице

и сказали друг другу несколько вежливых слов, а теперь я уже говорю вам о своей девушке, но вы должны мне — прошу вас — простить, счастье рвется из меня наружу, я ничего не мог поделать. А так как у меня нет других знакомых, которым я доверяю...

Так он говорил. А я огорченно посмотрел на него — ибо кусок фруктового торта, который находился у меня во рту, был невкусен — и сказал ему в его красиво разругавшееся лицо:

— Я рад, что кажусь вам достойным доверия, но огорчен тем, что вы мне это рассказываете. И вы сами — не будь вы в таком смятении — почувствовали бы, как это неуместно — рассказывать человеку, который сидит в одиночестве и пьет водку, о любимой девушке.

Когда я это сказал, он вдруг сел, откинулся и плетью опустил руки. Потом, согнув в локтях, прижал их к себе и довольно громким голосом заговорил как бы с самим собой:

— Мы сидели там совсем одни... в комнате... с Аннерль, и я целовал ее... целовал... ее... в губы... целовал ухо... плечи.

Несколько мужчин, стоявших поблизости и решивших, что идет какой-то оживленный разговор, зевая, подошли к нам. Поэтому я встал и громко сказал:

— Хорошо, если вы хотите, я пойду, хотя глупо идти сейчас на Лаврентьеву гору, ведь погода еще холодная, а поскольку выпало немного снега, дороги скользкие как каток. Но если вы хотите, я пойду с вами.

Сперва он удивленно посмотрел на меня и открыл рот с широкими и красными влажными губами. Но затем, увидев мужчин, которые были уже совсем близко, засмеялся, встал и сказал:

— О, ничего, холод на пользу, наша одежда вся

пропитана жаром и дымом, да и я, наверно, немного пьян, хотя пил мало, да, мы попросаемся и уйдем.

Мы подошли к хозяйке, и, когда он целовал ей руку, она сказала:

— Право, я рада, что сегодня у вас такое счастливое лицо, обычно оно серьезное и скучающее.

Доброта этих слов тронула его, и он еще раз поцеловал ей руку; она улыбнулась.

В передней стояла горничная, мы увидели ее сейчас в первый раз. Она подала нам пальто и взяла затем фонарик, чтобы осветить нам на лестнице. Девушка эта была красива. Шея у нее была обнажена и только под подбородком обвязана черной бархатной лентой, а ее просторно одетое тело красиво изгибалось, когда она спускалась перед нами по лестнице, светя фонариком. Ее щеки разругались, ибо она выпила вина, а ее губы были полуоткрыты.

Внизу лестницы она поставила фонарик на ступеньку, пошатываясь, шагнула к моему знакомому и обняла и поцеловала его и задержалась в объятье. Лишь когда я вложил ей в руку монету, она сонно оторвалась от него, медленно открыла маленькую дверь подъезда и выпустила нас в ночь.

Над пустой, равномерно освещенной улицей стояла большая луна на слегка облачном и от этого еще более широком небе. Лежал снежок. Ноги при ходьбе скользили, поэтому надо было делать маленькие шаги.

Как только мы вышли на воздух, я заметно взбодрился. Я шаловливо задираю ноги, треща суставами, выкрикивал на всю улицу какое-то имя, словно от меня за углом скрылся приятель, подпрыгивая, бросал вверх шляпу и хвастливо подхватывал ее.

А мой знакомый невозмутимо шел рядом. Голова его была опущена. И он ничего не говорил.

Это удивило меня, ибо я ожидал, что радость выведет его из себя, когда вокруг него не станет людей. Я притих. Только я собрался одобрительно хлопнуть его по плечу, как меня охватил стыд, и я неловко отдернул руку. Поскольку она не была мне нужна, я сунул ее в карман пальто.

Итак, мы шли молча. Я следил за звуками наших шагов и не понимал, что мне невозможно идти с ним в ногу. Это немного волновало меня. Луна была ясная, все было видно отчетливо. Там и сям кто-нибудь глядел в окно и рассматривал нас.

Когда мы пришли на улицу Фердинанда, я заметил, что мой знакомый стал напевать какую-то мелодию, совсем тихо, но я услышал. Я нашел это оскорбительным для себя. Почему он не говорил со мной? А если он во мне не нуждался, почему он нарушил мой покой? Я с досадой вспомнил о славных сластях, которые я из-за него оставил на столике. Я вспомнил также о бенедиктине и немного повеселел, почти, можно сказать, заважничал. Я подбоченился и вообразил, что гуляю по собственному почину. Я был в гостях, спас от позора одного неблагодарного молодого человека и теперь гуляю при луне. Весь день на службе, вечером в гостях, ночью на улице и ничего сверх меры. Беспредельно естественный образ жизни!

Однако мой знакомый еще шел сзади, он даже ускорил шаг, заметив, что отстал от меня, и сделал вид, что это вполне естественно. А я подумал, не лучше ли мне свернуть в боковую улицу, ведь я же не обязан гулять вместе. Я могу пойти домой один, и никто не смеет задерживать меня. У себя в комнате я зажгу настольную лампу в железном корпусе, сяду в свое кресло, что стоит на драном восточном ковре... Когда я дошел до этой мысли, меня обуяла слабость, которая

всегда нападает на меня, как только подумаю о том, чтобы снова пойти в свое жилье и снова в одиночестве проводить часы среди раскрашенных стен и на полу, который, если смотреть на него в зеркало с золотой рамой, висящее на задней стене, косо падает вниз. У меня устали ноги, и я уже готов был, во всяком случае, пойти домой и лечь в постель, как вдруг у меня возникло сомнение, надо ли при уходе прощаться со своим знакомым или нет. Но я был слишком робок, чтобы уйти не попрощавшись, и слишком слаб, чтобы попрощаться громко, поэтому я снова остановился, прислонился к стене дома, освещенной луной, и подождал.

Мой знакомый подошел бодрым шагом и, видимо, в некоторой степени озабоченный. Он засуетился, заморгал глазами, распростер руки, резко вскинул голову в мою сторону, желая, казалось, всем этим показать, что способен по достоинству оценить шутку, которую я выкинул здесь для его увеселения. Я был беспомощен и тихо сказал:

— Сегодня веселый вечер.

При этом я издал вымученный смешок. Он ответил:

— Да, а вы видели, как и горничная поцеловала меня?

Я не мог говорить, ибо мое горло было полно слез, поэтому я попытался протрубить, как почтовый рожок, чтобы не оставаться немым. Он сперва заткнул уши, затем, любезно благодаря, пожал мне правую руку. Та, наверно, оказалась на ощупь холодной, ибо он сразу отпустил ее и сказал:

— У вас очень холодная рука, губы горничной были теплее, о да.

Я понимающе кивнул головой.

Моля бога дать мне стойкость, я сказал:

— Да, вы правы, мы пойдем домой, уже поздно, а завтра утром мне идти на службу; представьте себе, можно и там поспать, но это не полагается. Вы правы, мы пойдем домой.

При этом я подал ему руку, словно дело окончательно решено. Но он с улыбкой подхватил мою манеру выражаться:

— Да, вы правы, такую ночь нельзя проспять в постели. Представьте себе, сколько счастливых мыслей душишь одеялом, когда спишь один в своей постели, и сколько несчастных снов согреваешь им.

И, радуясь этому наитию, он с силой схватил меня за пиджак на груди — выше он не доставал — и с горячностью тряхнул меня; затем зажмурил глаза и доверительно сказал:

— Знаете, какой вы? Вы смешной.

При этом он зашагал дальше, а я пошел за ним, не заметив того, ибо меня занимало его суждение.

Сперва меня это обрадовало, ибо как бы показывало, что он предполагает во мне нечто такое, что во мне хоть и отсутствовало, но возвышало меня в его глазах тем, что он это предполагал. Такое отношение делало меня счастливым. Я был рад, что не пошел домой, и мой знакомый стал для меня очень ценным человеком, ведь он придавал мне перед людьми ценность без всяких моих усилий приобрести ее! Я смотрел на моего знакомого ласковыми глазами. Мысленно я защищал его от опасностей, особенно от соперников и ревнивцев. Его жизнь стала мне дороже моей собственной. Я находил его лицо красивым, я был горд его успехом у женского пола и участвовал в поцелуях, которые он в этот вечер получил от двух девушек. О, этот вечер был веселый! Завтра мой знакомый будет говорить с фройляйн Анной; сперва, как водится, об обыкновенных вещах, а потом он вдруг скажет: «Вче-

ра ночью я был в обществе одного человека, какого ты, милая Анна, наверняка никогда не встречала. Он на вид — как это описать? — как болтающаяся жердь, на которую несколько неловко насажена желтокожая и черноволосая голова. Его тело увешано множеством небольших, ярких, желтоватых лоскутков, которые вчера целиком прикрывали его, ибо в безветрии этой ночи гладко прилегли к нему. Он робко шел рядом со мной. Ты, моя милая Аннерль, ты, умеющая так хорошо целовать, ты, я знаю, немного посмеялась и немного испугалась бы, а я, чья душа сама не своя от любви к тебе, я радовался его присутствию. Он, может быть, несчастен, и поэтому он молчит, и все же при нем испытываешь непрекращающееся счастливое беспокойство. Ведь вчера я был сломлен собственным счастьем, но я чуть не забыл о тебе. Мне казалось, что с каждым вздохом его впалой груди поднимался твердый свод звездного неба. Горизонт распахнулся, и под пламенеющими облаками открылись те бесконечные дали, которые делают нас счастливыми... О небо, как я люблю тебя, Аннерль, и твой поцелуй мне милее всяческих далей. Не будем больше говорить о нем, а будем любить друг друга».

Когда мы, медленно шагая, вышли затем на набережную, я хоть и завидовал своему знакомому из-за поцелуев, но и радовался, что передо мной, каким я ему вижусь, ему, вероятно, должно быть стыдно.

Так думал я. Но мои мысли тогда путались, ибо Влтава и городские кварталы на другом берегу были окутаны темнотой. Горело, играя с глядящими глазами, лишь несколько огней.

Мы остановились у ограды. Я надел перчатки, ибо от воды веяло холодом; затем я без причины вздохнул, как-то хочется сделать у реки ночью, и хотел пойти дальше. Но мой знакомый смотрел в воду и не

шевелился. Затем он подошел еще ближе к перилам, оперся локтями на железо и опустил лоб в ладони. Это показалось мне глупым. Я замерз и поднял воротник пальто. Мой знакомый распрямился и перевесился через перила туловищем, которое держалось теперь на его напряженных руках. Я пристыжено поспешил заговорить, чтобы подавить зевоту:

— Правда ведь, удивительно, что именно только ночь способна целиком погрузить нас в воспоминания? Сейчас, например, мне вспоминается вот что. Однажды я сидел на скамейке на берегу реки в неудобной позе. Положив голову на руку, лежавшую на деревянной спинке скамейки, я смотрел на туманные горы другого берега и слышал нежную скрипку, на которой кто-то играл в прибрежной гостинице. По обоим берегам сновали поезда со сверкающим дымом.

Так говорил я, судорожно пытаюсь вообразить за словами какие-то любовные истории с занятыми положениями; не помешало бы и немного грубости, решительности, насилия.

Но не успел я произнести первые слова, как мой знакомый равнодушно и только удивившись, что я еще здесь, — так показалось мне — обернулся ко мне и сказал:

— Знаете, так всегда бывает. Когда я сегодня спустился по лестнице, чтобы еще прогуляться вечером, перед тем как пойти в гости, я удивился тому, как болтались мои красноватые руки в белых манжетах, и тому, что болтались они с необычной резвостью. Тут я стал ждать приключения. Так всегда бывает.

Последнее он сообщил уже на ходу, невзначай, как маленькое наблюдение. Меня же это очень тронуло, и я огорчился, что, может быть, ему неприятна моя долговязая фигура, рядом с которой он вполне

мог показаться слишком маленьким. И это обстоятельство, хотя дело было ночью и мы почти никого не встречали, мучило меня так сильно, что я согнул спину настолько, что мои руки на ходу касались колен. Но чтоб мой знакомый не заметил моего умысла, я менял свою осанку очень постепенно, с большой осторожностью и старался отвлечь от себя его внимание замечаниями о деревьях на острове Стрелков и об отражении в реке фонарей моста. Но он вдруг резко повернулся лицом ко мне и снисходительно сказал:

— Почему вы так ходите? Вы же совсем сгорбились и стали ростом почти с меня.

Поскольку он сказал это любезно, я ответил:

— Это возможно. Но мне эта поза приятна. Я слабобат, знаете ли, и мне бывает слишком трудно держаться прямо. Это не пустяк, я очень длинный...

Он сказал несколько недоверчиво:

— Да это просто прихоть. Раньше же вы, по-моему, шли, выпрямившись во весь рост, да и в гостях вы держались сносно. Вы ведь даже танцевали — или нет? Нет? Но шли вы выпрямившись, и это вы, конечно, можете и сейчас.

Я ответил упорно и с отвергающим жестом:

— Да, да, я шел выпрямившись. Но вы недооцениваете меня. Я знаю, что такое хорошие манеры, и поэтому иду сгорбившись.

Но это не показалось ему простым, в смятении от своего счастья он не понял связи моих слов и сказал только:

— Ну как знаете, — и посмотрел на часы Мельничной башни, которые показывали уже почти час ночи.

Я же сказал про себя: «Как бессердечен этот человек! Как характерно и явно его равнодушие к мо-

им смиренным словом! Он счастлив, в этом все дело, и таково свойство счастливых — находить естественным все, что происходит вокруг них. Их счастье устанавливает во всем великолепную связь. И если бы я прыгнул сейчас в воду или если бы стал перед ним корчиться в судорогах на мостовой под этой аркой, то все равно бы я мирно вписался в его счастье. Да если бы ему втемяшилось — счастливые настолько опасны, это несомненно, — он убил бы меня как бандит. Это не подлежит сомнению, и, поскольку я труслив, я от ужаса даже не осмелился бы закричать... О Боже!»

Я в страхе огляделся. Перед отдаленной кофейней с прямоугольными черными окнами по мостовой скользил полицейский. Его сабля немного мешала ему, он взял ее в руку, и теперь дело пошло значительно лучше. А уж услышав издали, что он слабо вскрикивает, я окончательно убедился, что он меня не спасет, буде мой знакомый пожелает убить меня.

Зато теперь я знал, что мне делать, ибо как раз перед страшными событиями мною овладевает большая решительность. Мне следовало убежать. Это было очень легко. Теперь, у поворота налево к Карпову мосту, я мог шмыгнуть направо в Карпову улицу. Она была с закоулками, там было много темных подворотен и пивных, еще открытых сейчас; мне не следовало отчаиваться.

Когда мы вышли из-под арки в конце набережной, я с поднятыми руками побежал в эту улицу; но, как раз добежав до маленькой двери церкви, упал, ибо там была ступенька, которой я не заметил. Упал я с грохотом. Ближайший фонарь был далеко, я лежал в темноте. Из пивной напротив вышла толстуха с закоптелым фонариком — посмотреть, что случилось на улице. Фортепианная игра прекратилась, и какой-то

мужчина полностью распахнул полуоткрытую было дверь. Он великолепно харкнул на ступеньку и, шепоча толстуху между грудями, сказал, что происшедшее, во всяком случае, не имеет значения. Затем они повернулись, и дверь снова захлопнулась.

Попробовав встать, я снова упал. «Гололед», — сказал я и почувствовал боль в колене. Но все же меня радовало, что люди из пивной меня не увидели, и потому мне показалось самым удобным пролежать здесь до рассвета.

Мой знакомый дошел один, наверно, до моста, не заметив моего исчезновения, ибо ко мне он пришел не сразу. Я не видел, чтобы он был удивлен, когда сочувственно склонился ко мне и погладил меня мягкой рукой. Он провел по моим скулам вверх и вниз, а потом положил два толстых пальца на мой низкий лоб.

— Вы ушиблись, да? Гололед, надо быть осторожным... У вас болит голова? Нет? Ах вот как.

Он говорил напевно, словно рассказывал историю, к тому же очень приятную историю об очень отдаленной боли в чем-то колене. Он и руками двигал, но и не думал поднять меня. Я подпер себе голову правой рукой — локоть лежал на булыжнике — и быстро сказал, чтобы не забыть это:

— Не знаю, собственно, зачем я побежал направо. Но я увидел, как под аркадами этой церкви — не знаю, как она называется, о пожалуйста, простите — бегают кошка, маленькая кошечка, и шерсть у нее была светлая. Поэтому я заметил ее... О нет, не в этом дело, извините, но достаточно трудно целый день владеть собой. Для того мы и спим, чтобы подкрепиться для этого труда, а если мы не спим, то с нами нередко случаются нелепые вещи, но было бы невежливо со стороны наших спутников громко этому удивляться.

Мой знакомый, держа руки в карманах, поглядел на пустой мост, на Конгрегационную церковь, затем на небо, которое было ясно. Поскольку он не слушал меня, он испуганно сказал:

— Ну почему же вы не говорите, дорогой? Вам плохо?.. Ну почему же вы, собственно, не встаете?.. Ведь здесь холодно, вы простудитесь, а потом ведь мы собирались на Лаврентьеву гору.

— Конечно, — сказал я, — простите. — И встал самостоятельно, но с сильной болью. Я шатался и должен был упереться взглядом в статую Карла Четвертого, чтобы узнать, где я нахожусь. Но лунный свет был неловок и привел в движение и Карла Четвертого. Я удивился, и мои ступни стали намного крепче от страха, что Карл Четвертый рухнет, если я не приму успокаивающей позы. Позднее мое усилие оказалось бесполезным, ибо Карл Четвертый все же упал, как раз когда мне подумалось, что меня любит девушка в красивом белом платье.

Я бьюсь напрасно и многое упускаю. Какая это счастливая была мысль насчет девушки!.. И как это мило было со стороны луны, что она освещала и меня, а я из скромности хотел стать под свод башни у моста, поняв, что это просто естественно, чтобы луна освещала все. Поэтому я с радостью распростер руки, чтобы полностью насладиться луной... Тут мне вспомнились стихи:

Я скакал через улицы,
Топая по воздуху,
Как пьяный бегун, —

и мне сделалось легко, когда я, совершая вялыми руками плавательные движения, стал без боли и без труда продвигаться вперед. Моей голове было покойно в прохладном воздухе, а любовь одетой в бе-

лое девушки приводила меня в печальный восторг, ибо мне казалось, будто я улываю от влюбленной, а также от туманных гор ее края... И я вспомнил, что однажды возненавидел одного счастливого знакомого, который и сейчас, может быть, шел рядом со мной, и порадовался, что моя память так хороша, что в ней сохраняются даже такие второстепенные вещи. Ведь у памяти нагрузка большая. Вдруг я стал знать названия всего множества звезд, хотя никогда не заучивал их. Да, это были занятные названия, трудно запоминающиеся, но я знал все и очень точно. Высоко подняв указательный палец, я громко выкрикивал название каждой... Но я недолго называл звезды, ибо мне надо было плыть дальше, если я не хотел погрузиться слишком глубоко. Но чтобы мне потом не сказали, что плыть над мостовой может каждый и об этом не стоит рассказывать, я, взяв более быстрый темп, поднялся над перилами и вплавь кружил возле каждой статуи святого, которую встречал на пути... У пятой, как раз когда я рассчитанными взмахами задержался над мостовой, мой знакомый схватил мою руку. Теперь я снова стоял на мостовой и чувствовал боль в колене. Я уже забыл названия звезд, а относительно милой девушки помнил только, что на ней было белое платье, но никак не мог вспомнить, какие основания были у меня верить в ее любовь. Во мне поднялась большая и вполне основательная злость на свою память и страх, что я потеряю эту девушку. И я стал напряженно и непрерывно повторять «белое платье, белое платье», чтобы хотя бы с помощью одного этого признака сохранить ее для себя. Но это не помогло. Мой знакомый все ближе подступал ко мне со своими речами, и в тот миг, когда я начал понимать его слова, что-то белое изящно проскакало вдоль перил